

Владимир Беляков

***Записки
промысловика***

Владимир Беляков

**Записки промышловика.
Повести и рассказы**

«Издательские решения»

Беляков В.

Записки промысловика. Повести и рассказы / В. Беляков —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-936836-2

В десять лет я отважился один уйти с ночёвкой на рыбалку в тайгу.
В двенадцать лет лесничий Зинур Хасаншин взял меня с собой на
медведя. Четыре года мне довелось работать промысловиком и прожить в
экстремальных условиях Крайнего Севера в живописнейшем уголке Таймыра
на озере Лама.

ISBN 978-5-44-936836-2

© Беляков В.
© Издательские решения

Содержание

Наледь	6
Шкалик	18
щенок	18
Прошка	20
Спаситель	23
Пурга	26
Первый песец	28
Ворон	30
Найда	33
Волки	35
Схватка с догом	38
Конец ознакомительного фрагмента.	39

Записки промысловика

Повести и рассказы

Владимир Беляков

© Владимир Беляков, 2021

ISBN 978-5-4493-6836-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Дорогие друзья!

Большую часть жизни я прожил там, где считается, что жить нельзя. В городе, где девять месяцев зима. А оставшиеся три – весна, лето и осень. В городе, окруженном тремя металлургическими заводами, которые на десятки километров отравили вокруг все живое.

В городе с самым грязным в мире воздухом и полной таблицей Менделеева под ногами.

В городе, где в лагерях пытались сломать гениальных людей, таких как Лев Гумилев, Штейн, Федоровский, Урванцев, а на сцене театра играли Смоктуновский, заключенный Жженов.

В городе самых чистых сердец. Самых мужественных, открытых и доброжелательных людей. И название этого города – Норильск

Наледь

Летняя путина завершилась. Подходил к концу и мой отпуск. Наша бригада неплохо потрудилась, и мы заработали хорошие деньги. И тут директор рыбзавода начал уговаривать меня остаться ещё на зимний промысел.

– Пойми, за зиму ты можешь заработать больше, чем летом. Кроме рыбы будите добывать песка, соболя, зайца, куропатку, а это уже приличные деньги. Да, не будет городского уюта и комфорта, но ты хороший хозяйственник и руководитель. Дисциплина и порядок у тебя в бригаде – дай Бог каждому. Лично я тебе буду помогать всем, чем смогу. Команду подбирай на свое усмотрение.

– Я же обещал после путины вернуться на прежнее место работы.

– А ты сравни, сколько ты получал в кресле главного механика и сколько заработал здесь?

– Согласен. Со всеми вычетами – почти в три раза. Но зимним промыслом профессионально я никогда не занимался. А там прогоны, капканы, кулёмки, пасти, плашки, городушки. Я даже не знаю с какой стороны к ним подходить.

– Научишься. Оставь в команде Федю. Он простой мужик и бескорыстный, дока в своем деле, научит всему. Стаж промысла у него больше, чем двадцать лет, и сам он трудоголик.

Я попросил дать мне время на размышление. Посоветовался с родными и близкими. И уже получив добро от них, написал заявление об увольнении с прежнего места работы.

Желание поработать со мной тут же изъявил и Толик Дрига. Мы были знакомы уже несколько лет, дружили семьями. Постоянно собирались в одной большой компании, проводили вместе все праздничные мероприятия, а в летний период регулярно на выходные дни выезжали на природу. Толик обладал огромным чувством юмора, был заводилой и весельчаком. Где был он, там всегда присутствовал смех. У него не было собственной лодки, поэтому в поездки на природу, его брал с собой наш друг Петя. Работал Толик в небольшой строительной организации шофером на старом разбитом МАЗе. И, по его словам, больше лежал под машиной, нежели работал на ней. Соответственно и заработок у него был низкий, а перспектива получить новую машину в ближайшие пару лет даже не маячила.

Да, парень он был по-настоящему веселый. Но одно дело было – развлекать компанию по выходным, а другое – жить и работать плечом к плечу вдали от цивилизации, порой в экстремальных условиях. Единственное, что меня всегда настораживало – это его чувство высокого мнения о себе и чересчур низкого о других, а также постоянная привычка всех поучать и давать советы. Он всегда много говорил, думая, что знает больше остальных, и не очень любил, когда советы давали ему. Толик часто повторял свою коронную фразу:

– Я советую вам мне не советовать.

Поэтому всегда делал все по-своему, даже когда его действия выглядели явно абсурдно. Но самое плохое качество в этом человеке было злопамятство.

Люди в конфликтных и спорных ситуациях ведут себя по-разному. Один от раздражения переходит к злости, а от нее к гневу, другой предпочитает успокоиться и проанализировать ситуацию. Но есть такие, которые скрывают свой гнев, преобразив его в злопамятство – законсервированное зло. Толику присуще было именно последнее. Он тащил через настоящее навязчивые воспоминания негативных событий минувшего, как ржавый якорь. Невыпущенный им, в свое время, на свободу гнев, он мог раскурить в любое время как обмусоленный окурок.

Понятно, что тогда этой черты его характера я знать не мог. Она вскрылась уже позже в процессе работы и близкого общения на промысле.

Поэтому я согласился взять его в бригаду. К тому же у меня были лодка и лодочный мотор, у него – снегоход «Буран», а наличие этой техники для предстоящей работы было большим подспорьем.

На сборы у нас ушло две недели. Запланированный борт МИ-8 стоял с выключенными двигателями под загрузкой. Мы перетаскивали, укладывали в него продукты питания, строительные материалы, уголь в мешках, снегоход, сани и прочее, необходимое для зимовки, когда к вертолетной стоянке подъехал УАЗик. Из него вышел мой хороший знакомый – начальник одного из участка автотранспортной конторы. Мы поздоровались:

– Володя. Можно тебя на минуточку.

Отошли в сторону.

– У меня большая просьба к тебе. Возьми с собой на работу парнишку. Я его знаю давно. Работал у меня слесарем. Хороший, толковый, работающий парень, но спился. За прогулы с работы турнули, из общежития тоже, документы потерял, живет у нас в гараже. Погибает парень. Надежда на тебя, там в тундре ему пить будет негде. Он мне дал честное слово.

– Я же туда работать лечу и зарабатывать, а ты хочешь, чтобы я взял ответственность на себя и стал наставником и нянькой какому-то конченому алкашу? Может, его проще в ЛТП направить?

– Поверь мне Володя. Он трудяга. К его работе у тебя не будет нареканий.

– Где он?

– Вадим, выходи.

Из кабины автомобиля вылез вполне симпатичный парнишка, где-то моего возраста, совершенно не похожий на бомжа, и, потупив взор, замер.

– Хорошо, Вадим. Я возьму тебя, но помни – до первого замечания. И еще одно помни – за тебя поручился человек. Подведешь его, веры тебе больше не будет, и руку помощи тебе больше не протянут, даже если будешь сдыхать где-то в канаве.

– Даю слово. Я не подведу.

– Спасибо, Володя. Мы тут всем участком собрали ему продукты, одежду.

– Грузите в вертолет.

Так наша бригада из трио превратилась в квартет. Через сорок минут полета мы высадились на месте предстоящей зимовки. Встречать нас вышел радостный Федор, за спиной у него висело ружьё.

– Как вы вовремя. А то у меня мука и сухари закончились.

Я огляделся. Зимним заснеженным пейзажем озера Лама и плато Путорана мне любоваться еще не приходилось.

– Лепота-то какая!

Я вдохнул полной грудью чистейший воздух, перевел взгляд на запорошенную снегом косу и только сейчас заметил, что она вся истоптана отпечатками песцовых и медвежьих следов. Особенно много их было у засолки.

– Песцы? Медведи?

– А вы думаете, почему я с ружьём вас встречаю. Медведи повадились перед спячкой в гости. Каждый день – один за другим, только что в дверь не стучатся. Чувствуют запах рыбы. У входа в ледник я все перцем обсыпал. И уже чаны брезентовые снимал, чтобы не порвали. Песцы вообще обнаглели. В туалет лаем провожают, за валенки пытаются укусить. Медведи, правда, вот уже два дня как не приходят, может уже по берлогам улеглись.

В подтверждение сказанного из кустов выскочили два серо-белых песца и, тявкая, стали бегать вокруг вертолёта.

– А ну пошли вон отсюда!

Кто-то из пилотов свистнул, и песцы исчезли в кустах.

Мы взялись за разгрузку вертолета.

Зима, как правило, приходит на Таймыр в конце сентября. С выпадением большого количества снега наступают первые непродолжительные морозы. Снегом засыпает ступенчатые террасы и склоны гор. Некогда цветущие лайды, деревья и кустарники наряжаются в пышные белые мантии. Озера и реки сковывает лед, на который сверху ложится снежный покров. Природа Заполярья в это время тиха и безмолвна, не слышно даже щебетания птиц. Лишь изредка раздается сухой хруст веток ивняка да шелест пролетающих стай куропаток.

Затем первые морозы отступают. Южный ветер сильными порывами приносит оттепель и пургу, вступает в схватку с холодом, стараясь отвоевать утерянные позиции, срывает и сбрасывает с деревьев белое одеяние, разметает с земли снежный покров, переносит и укладывает его в овраги и низины. Это противостояние может продолжаться несколько дней, затем сила ветра постепенно ослабевает, наступает затишье, и вновь, крадучись, мелкой поступью приходят холода. Эта борьба продолжается весь октябрь.

В начале ноября погода еще не самая зимняя и суровая, но несмотря на частые оттепели, холодные арктические ветра все больше остужают воздух. Наступают затяжные морозы, которые растягиваются на девять месяцев, и зима показывает свой суровый характер. Поэтому Таймыр и зовется полюсом жесткости. Природа в это время полностью погружается в сон. Солнце в конце ноября уже не поднимается из-за горизонта, а лишь на несколько часов подсвечивает небосвод. Воздух кристаллизуется и становится туманным. На сильном морозе захватывает дыхание.

Мы готовились к зимнему промыслу. Изба внутри превратилась в столярную, слесарную и ремонтную мастерскую. Федор с Вадимом перебирали и чинили сети, готовили прогоны. Мы с Толиком изготавливали переносные деревянные городушки для ловли песцов, нарезая пилой толстые обрезки досок, к которым по бокам с двух сторон гвоздями и саморезами прикрепляли рейки. На печи стояла большая алюминиевая кастрюля с кипящей водой и распаренными ветками багульника. В ней проваривали новые капканы, чтобы удалить с них заводскую смазку и избавиться от технического запаха. Позже практика показала, что для ловли песцов это делать не обязательно. Если песец голодный, приваду и капкан устанавливай хоть на бочку с соляной – это его не остановит. А вот соболя неприятный запах может насторожить и отпугнуть, поэтому новые капканы на этих зверей необходимо обязательно обрабатывать и потом хранить под открытым небом, чтобы выветривались все запахи. Соболю крайне осторожный зверек, но очень любопытный. Если, пробегая по своему участку, он увидит то, чего раньше не замечал (разбросанные ветки, упавшее дерево, разворошенный пенек), то обязательно подойдет и обследует место.

С вечера заранее, чтобы не терять время на утренние сборы, загрузили в сани максимальное количество капканов, городушек, привады. Все было готово для прокладки первого песцового путика.

Промысловый путик – это охотничья тропа. Прокладывают его в тех местах, где охотятся постоянно для того, чтобы рациональнее использовать время на переходах. Тропа проходит через охотничьи угодья по замкнутому кругу и оснащается постоянными или переносными орудиями лова (кулёмами, пастями, плашками и др.). Протяжённость путика зависит от количества капканов и самоловов на нём. По снегу всегда легче проехать или пройти по одному месту несколько раз, чем каждый раз «бить новый след».

При прокладке путика учитывается и то, что он в всегда закольцован по своему маршруту – вышел и пришел.

Мы топтались вокруг саней, ещё раз проверяя, не забыли ли что. Большой термометр, висящий на угольнике, подаренный нам гидрологами, показывал минус двадцать восемь. Ветер практически отсутствовал. Погода была комфортной. Толик уселся на снегоход, я примостился на санях. Выехав на озеро, мы направились к противоположному берегу и, достигнув его, начали установку капканов вдоль береговой линии. Через несколько километров, у реки Батык, путик должен был пересечь озеро до противоположного берега и уже вдоль него идти в направлении избы. Таким образом, протяженность его должна была составить около двадцати километров.

При возведении первой же насыпи для городушки у нас возник спор.

– Толик. Горку нужно делать с уклоном навстречу господствующему ветру. Если делать по ветру, то после первой же пурги капканы занесет снегом, а надо чтобы ветер выдувал снег из-под капкана. Федя же об этом говорил.

Толик, как всегда, начал упираться:

– Да много твой Федя знает? Наоборот, снег должен наметать и маскировать капкан.

Чтобы не продолжать спор, решили чередовать установку капканов: один по ветру, следующий против ветра. Первая же пурга выявила победителя в споре. Все горки с уклоном по ветру, оказались полностью занесены, похоронив капканы под толстым снежным настом. Пришлось их в последствии переставлять.

Так, сооружая горки и устанавливая одну городушку за другой, мы отошли от береговой линии и начали пересекать озеро держа направление к противоположному берегу. Солнце, готовое вот-вот уступить место полярной ночи, зависло над верхушками лиственниц и уже не блистало былой яркостью, а лишь подсвечивало мелкие хрусталики морозного воздуха. Безмолвную тишину изредка нарушали треск и грохот. Это, сжимаясь от холода, рвалась ледяная накидка озера, образуя трещины, через которые проступала вода и тут же замерзая затягивала рубцы. Справа на фоне белоснежного наста хорошо просматривалось серого цвета пятно, уходившее в глубь озера более, чем на километр. Это была наледь. Она образовалась от изливания на поверхность льда воды реки Батык, впадающей в озеро в этом месте. Наледь очень коварна и всегда представляет собой серьезную опасность. Даже в лютые морозы вода горной реки, прячась и согреваясь под снежным покровом, пробивает себе путь и растекается по поверхности льда. В некоторых местах снег, пропитанный влагой, проседает и замерзает слоистым пирогом. Опасность представляют именно те участки, где вода скрыта снегом.

Утрамбовывая лопатой очередную горку, я показал рукой в сторону наледи, от которой в некоторых местах вверх поднималось испарение:

– Ты видишь её? Придётся путик сместить влево. За зиму она еще разрастется.

– Ничего страшного. В такие морозы её сразу затянет.

– А если зима будет снежной? Вся вода будет под снегом. Зачем нам рисковать? Только капканы похороним.

Толик завел «Буран» и, будто забыв про опасность, о которой мы только что говорили, направил снегоход к наледи. Я, сидя в санях, заволновался и стал кричать:

– Ты что творишь? Отворачивай! Отворачивай!

– А мы её сейчас проверим. Танки грязи не боятся.

Толик отмахнулся, привстал на сидении, добавил обороты и, выписывая виражи, направил снегоход практически посередине наледи.

– Придурок! Что ты делаешь? – успел крикнуть я, как «Буран» стал оседать, задымил ремень вариатора, из-под гусениц полетела мокрая шуга, и завалившись на бок, он провалился. Толик выпал из сидения и, пытаясь встать, увяз по пояс в месиве воды и снега. Его ноги в валенках сразу намокли. Руками он дотянулся до лыж, лежащих на раме, и, опираясь уже на них, сделал попытку выбраться наверх. Но на валенках образовались снежные наросты, которые пудовыми гирями повисли на ногах.

Не помогла ему и веревка, брошенная мной. Все попытки вызволить Толика были безрезультатными. Тогда, аккуратно ступая, утрамбовывая снег лыжами, я подошел к снегоходу и отцепил от него сани.

– Сейчас попробую подтащить их к тебе.

Так, опираясь на сани и держась за веревку, он наконец выбрался наверх. Вода ручейками скатывалась по фуфайке и ватным брюкам.

– Ты, танкист долбаный. Какого хрена ты попер посередине?

Толик зло посмотрел на меня и промолчал. Стали осматриваться. До близлежащей кромки наледи было около пятидесяти метров и это расстояние надо было как-то пройти самим, перетащить снегоход и сани.

– У нас единственный вариант – утрамбовывать лыжами площадку и ждать, когда наст промерзнет. Затем завалить «Буран» на бок и очистить эту кашу в гусеницах и катках, иначе сожжём ремень и зароемся еще глубже.

Хотя днем заметно потеплело, но температура была около двадцати пяти мороза. Можно было ожидать, что наст быстро промерзнет. Ползая, где на четвереньках, где на животе, мы лыжами, как штукатурным правилом, утрамбовывали снег, готовя «взлетную» полосу. Под-

няться и просто встать на лыжи мы не могли, так как они просто утопали в этой снежной жиже. Около получаса заваливали снегоход на бок. Валенки, низ одежды и фуфайки пропитались водой. Так более двух часов, ползая на животе, как минеры, мостили дорожку к кромке наледи. Затем волоком перетащили сани на твердый лед.

Прошло еще больше часа, но дорожка лишь сверху покрылась корочкой и никак не хотела промерзнуть глубже, зато мы промерзли основательно. Одетые на нас ватники, пропитанные водой, напоминали хрустальные вазы, лед крошился на них издавая стеклянный звон, ткань ломалась как яичная скорлупа, выпуская наружу простроченную вату.

– Да, для севера это не одежда. Надо срочно шить на ноги бакари, а на верх кухлянки или парки, – сказал я, рассматривая на себе полопавшуюся фуфайку.

– Какие на хрен кухлянки? Я скоро уже дуба дам. И на хрена я вообще подписался на эту работу? Лежал бы сейчас под КамАЗом в теплом гараже, – Толик начал паниковать и заметно нервничать, трясясь, как в лихорадке. – Надо бросать «Буран» и вставать на лыжи. Глядишь, через пару часов в избе будем.

– Надо головой было думать, а не устраивать экстремальный слалом. Подождем еще немного. Сделаем попытку выехать. Не получится, тогда и палки в руки. А так бросать «Буран» нельзя. За ночь его накроет наледью по макушку, и, если он вмерзнет в лед, мы его уже не спасем.

Толик трясущимися руками стал разжигать паяльную лампу.

– А вот это ты зря задумал. Согреться – не согреешься, а еще сильнее замерзнешь.

Он опять отмахнулся и когда лампа, выбрасывая струю огня, загудела, стал отогревать руки.

Через полчаса мы предприняли попытку высвободить снегоход.

– Ты сразу не газуй, попытайся выехать на малых оборотах, а то сразу зароешься.

– Ну хоть тут-то меня не учи.

И Толик опять сделал все наоборот. Осторожно уселся на сидение, завел «Буран» и нажал на гашетку до отказа, двигатель взревел, из-под гусениц вырвался шлейф мокрого снега и воды, и, кроша корку льда, проламывая наст утрамбованной полосы, снегоход полетел вперед. До кромки наледи оставалось не более десяти метров, когда из-под капота пошел дым, запахло жженой резиной, последовал удар – вариаторный ремень разлетелся в клочья. «Буран» снова увяз, гусеницы забило шугой.

Нам пришлось вновь заваливать его на бок. Радовало то, что здесь уже не было топкой снежной жижи, и вокруг можно было свободно передвигаться на лыжах.

– Все. У меня руки стали как грабли, замерзли и не сгибаются. Менять ремень я не буду. Пусть «Буран» тут хоть вообще провалится под лед. Ты как хочешь, а я пошел.

Толик одел лыжи и стал оглядывать местность. Темная мгла уже давно зависла над озером, матовой дымкой заслонив очертания гор. В пелене морозного воздуха не просматривался даже берег. Только небосвод подсвечивался упавшим солнцем.

– Флаг тебе в руки. Дорогу, думаю, найдешь. Зарево у тебя всегда должно быть за спиной. Здесь блудить негде. По прямой до избы чуть более шести километров. А я постараюсь заменить ремень и, как только вытащу «Буран», догоню тебя.

Толик долго топтался на месте, проявляя нерешительность. Тут я понял, что он совершенно теряет ориентировку и не понимает, где мы сейчас находимся и в какую сторону идти. Он махнул рукой и, оглядываясь, пошел практически в противоположную.

– Ты куда? Держи курс на прогоны с сетями, а там по буранному следу выйдешь к избе, – я показал направление рукой. – Если не уверен в себе, то возвращайся по буранному следу путика, но тогда будет длиннее на три-четыре километра.

– Задолбал ты меня своими учениями, – засопел он, поправил на плече ружьё и все же двинулся в направлении проложенного нами, еще не закольцованного путика, и скоро растворился в пелене тьмы.

Немного подождав, я улегся рядом со снегоходом и стал очищать гусеницы и катки, потом заменил ремень. Фуфайка на груди предательски трещала, увеличивая количество дыр, и щетинилась вывалившейся наружу ватой.

Через час, зацепив сани, я возвращался по следу, проложенному днем. Толика я нагнал быстро, за это время он успел пройти треть пути. Видно, было, что он замерз до такой степени, что в сани садился не сгибаясь, как робот.

На следующий день Федя и Вадим с утра ушли проверять сети, а мы с Толиком занялись кроить и шить себе одежду, благо что у нас было несколько уже выделанных олених шкур. Он шил себе парку (что-то вроде куртки), а я бакари (высокие сапоги), так как считал, что ноги в тепле, это главное при продолжительном нахождении на морозе.

Через день мы продолжили пробивать путик, только решили начать вдоль берега от нашей избы навстречу и закольцевать уже на озере, недалеко от того места, где угодили в наледь.

Утро было морозным, градусник показывал минус тридцать. Через плотные облака даже не просматривались звезды. Резкие порывы ветра возникали ниоткуда, проносились по верхушкам деревьев и вновь наступала тишина.

– Не нравятся мне эти порывы. Как бы «южак» пургу не нагнал, – сказал я, всматриваясь в облака. – И по верху дует запад, значит к вечеру ветер точно повернет на юг.

– А ты не каркай. Тогда не повернет. Поехали!

Толик нажал на гашетку и снегоход потянул за собой сани. Через три часа мы уже заканчивали устанавливать последние капканы, слева от нас виднелось то серое пятно наледи, в которое мы угодили позавчера. Чтобы замкнуть кольцо путика нам осталось пройти не более

километра. Горки для городушек на озере сооружали, вырубая кубы из спрессованного снега, утрамбовывали их лопатами, потом сверху устанавливали городушки с привадой и настраивали капканы. Вдруг со стороны лесного массива стал прослушиваться нарастающий гул:

– Толик, слышишь? Похоже, «электричка» идет?

Так мы называли приближающуюся пургу. Ветер в горах, проносясь между деревьев, рождает гул, который, отражаясь от склонов гор, был слышен задолго до появления ветра на озере.

– Похоже.

– Все, надо сматываться.

– Да нам осталось поставить всего пять-шесть капканов.

– Как бы они боком нам не вышли.

Порывы стали усиливаться с каждой минутой. Ветер сначала погнал позёмку, потом стал перемешивать и закручивать сорванные с земли снежные пласты с падающим сплошной стеной снегом сверху. Скоро этот круговорот огородил нас от окружающего мира. Нагнуться было невозможно, снежная крупа больно ударяла в лицо, слепила глаза, забивалась под капюшон. Мы побросали лопаты:

– Давай к берегу! – крикнул я и запрыгнул в сани.

Толик развернул «Буран», и мы поехали. «Электричка» с гулом и ревом выехала на озеро и устремилась нам навстречу, подняв шлейф непроглядной белизны, закрыв обзор и все ориентиры. Всматриваясь вперед, я почувствовал, что снегоход постоянно смещается влево и уходит с маршрута. Ткнул Толика в спину черенком лопаты и прокричал:

– Держись правее. Ты уходишь в озеро.

Толик отмахнулся и что-то прокричал в ответ, но взял немного вправо и через короткий период опять стал уходить влево. Я вновь ткнул лопатой ему в спину. Так продолжалось несколько раз. По времени мы уже давно должны были упереться в каменные валуны, устилающие западный берег. И тут я почувствовал грозящую нам опасность и выстрелил из ружья в воздух, но Толик на выстрел никак не среагировал. Тогда я соскочил с саней, на бегу схватил Толика за ворот и просто сбросил с сидения:

– Ты куда едешь? Тебе еще раз в наледи захотелось покупаться? Ты понимаешь, что, если сейчас влетим в нее, нам конец.

– Какая наледь? Я к берегу еду.

– К берегу, но к какому? Южак дует. Значит, в харю нам должен дуть, а не в правое ухо.

– Ветер гуляет.

– Это ты гуляешь по озеру. Наш берег в противоположной стороне. А ты едешь к Батыку.

Толик психанул, через щелки глаз, залепленных снегом, с ненавистью посмотрел на меня. Он готов был кинуться в драку, но помня, что за моими плечами более пятидесяти боев на ринге, где я укладывал и более габаритных соперников чем он, уселся в сани и зло крикнул:

– Садись ты. Посмотрю, куда ты прирулишь.

Я взял из саней лопату и с силой воткнул ее в снежный наст.

– После пурги посмотрим, кто был прав.

Я сел за руль, сделал разворот и поехал в противоположном направлении. Через десять минут на пути стали попадать каменные валуны, мы уперлись в берег, вдоль него продолжили путь и вскоре поднялись по косе к избе.

Пурга продолжалась трое суток. Как только ветер стих, и все опять окунулось в безмолвие, мы всей бригадой поехали к прогонам. Нельзя было допустить, чтобы рыба в сетях начала тухнуть и разлагаться.

После этого через день отправились на путик. Толику не столько хотелось закончить с его прокладкой, сколько доказать свою правоту, что он вел снегоход в правильном направлении. После пурги ветер раскидал по озеру снег уложив его в мягкие заструги, а основную массу переместил на берега и поднял выше сугробы в лесу. Мы ехали, перенастраивая засыпанные капканы, поднимали опрокинутые ветром городушки, меняя приваду. И тут увидели первого песка. Он, натягивая тросик, пытался освободиться от капкана, и зубами с рычанием впивался в удерживающие скобы.

Разглядывая тушку первого пойманного песка, я сказал:

– Ну что? С почином.

Толик взял из моих рук песка и, разглаживая белый пушистый мех, ответил:

– С почином.

Мы уже выехали на озеро и направились к тому месту, где несколько дней назад пурга не дала нам возможность замкнуть кольцо путика. Слева показалось злополучное серое пятно.

– Ну, и где твоя лопата? – засуетился Толик. – Я ехал в правильном направлении, и лопату нужно искать вон там, – он показал в сторону острова Чаечный.

– Ты не суетись. Сейчас подъедем ближе к наледи и посмотрим.

Настроив очередной капкан, мы наконец закольцевали путик. Я взял в руки бинокль и начал внимательно всматриваться в кромку наледи.

– Не вижу.

– А я что говорю. У Чаечного она.

Подъехали еще ближе, но воткнутой в наст лопаты я не увидел. И тут мое внимание привлек очень ровный заснеженный торос, я подошел и ногой стал разгрести его. Из-под снега показался черенок. В пургу, по-видимому, из-под лопаты выдуло снег, и она завалилась на лед. До кромки наледи мы не доехали десятков метров.

– Ну что? Чаечный? Сейчас здесь было бы два присыпанных бугорка и памятник из вмёрзшего снегохода с санями.

Увидев лопату, Толик, как мне показалось, побледнел и молча уселся на снегоход. Мы полностью проехали по первому проложенному охотничьему путику. Когда подъехали к избе, в санях лежали уже три тушки песца.

В канун Нового года, к нам, на четырех «Буранах» приехали в гости наши друзья. Уже вместе с ними мы должны были отправиться на недельные каникулы в город. Федор с Вадимом оставались на точке.

Тридцатого декабря, загрузив в сани рыбу, пушнину выехали рано утром. Хотя назвать это утром можно было только условно. Солнце уже месяц не показывалось, спрятавшись за горизонт до конца января. Стояла оглушительная тишина, воздух был пронизан кристаллами холода, столбик термометра показывал минус сорок два.

– Наст хороший по всему пути. Даже на Мелком нет застрогов. За полтора часа будем у «ложной позиции», – сказал Петя Болотный.

«Ложной позицией» назывался пятикилометровой перешеек от озера Мелкое до затона реки Норильская. Я уселся в сани к Пете, накинул на голову капюшон парки, подтянул ляжки на бакарях и зарылся в оленью шкуру. Монотонный звук работающих моторов быстро убаюкал меня, и я уснул. Проснулся, услышав голос Петра:

– Володя, вылазь. Перекурим десять минут.

Ребята стояли полукругом, разговаривали и курили. Я выбрался из теплой лежанки и стал осматриваться. Слева была сплошная пелена, прямо и справа едва просматривались очертания берегов. Небосвод просто полыхал северным сиянием. Тут ко мне подскочил Толик и, язвительно улыбаясь, спросил:

– А ну скажи, где мы находимся сейчас?

Я, еще не понимая к чему он задал этот вопрос, внимательно огляделся.

– На Мелком.

– Понятно, что не на Глубоком. Ты скажи, в каком районе.

– Похоже стоим мы сейчас напротив Аякля, а прямо по нашему курсу Блудный. Тут до памятника метров пятьсот, не больше.

– Блудный, говоришь, памятник? Пятьсот метров, говоришь? А я сейчас проверю.

Он отсоединил сани, запрыгнул на «Буран» и рванул с места. Все в недоумении посмотрели ему вслед, потом на меня. Тут-то до меня дошло. Я уже забыл историю с лопатой, а Толик помнил. Пришлось рассказать ребятам про пургу, лопату и ту злополучную наледь. Петя ухмыльнулся:

– Да. Дрига в своем репертуаре. Он же летом на лодке только со мной ходил. Зимой тоже всегда в компании. В одиночку-то ему никогда и не доводилось ездить ни на лодке, ни на снегоходе. А ориентироваться он ни на воде, ни в тундре точно не может.

Мы внимательно стали следить за светом фары удаляющегося снегохода. Какое-то время он двигался прямо к острову Блудный, потом начал уходить влево и влево, описывая дугу.

– Повело нашего Колумба. Сейчас еще сопли морозить здесь будем, ожидая его. Вот ведь большая голова, – Петр выругался. – Володя, достань ракетницу. А то точно искать потом придется этого пришибленного.

Петя уже начал злиться и выстрелил вверх из ракетницы. Снегоход, описав приличный круг, вдруг на большой скорости направился в нашу сторону. Остановившись у саней, Дрига спрыгнул с сидения и, не успев всмотреться в наши лица, громко спросил:

– Мужики. Подскажите, где Блудный?

А, приглядевшись, осекся.

– Мудак! Ты что, с башкой не дружишь? – зло произнес Петя и стал усаживать своё массивное тело на сидение.

После новогодних праздников я возвращался на точку уже на своем новеньком «Буране». Теперь обязанности в бригаде распределились. Толик с Вадимом занимались проверкой сетей и рыбой, а Федор помогал мне прокладывать еще один речной песцовый и горный соболиный путики, подробно объясняя и показывая, как и где правильно устанавливать капканы, рассказывая о повадках и привычках этих пушных зверьков.

Послесловие

Вадим свое слово сдержал. За зиму нареканий с моей стороны к нему не было. Весной ребята помогли ему с восстановлением утерянного паспорта, и он официально стал трудиться в моей бригаде. Толик доработал до весны и ушел от нас. Купил домик у бывшего промысловика в районе Крестов на речке Пясино. Съездил к себе на родину Украину и привез оттуда женщину, которую уговорил поработать с ним на промысле, пообещав ей хороший заработок. В первую же зимовку произошла трагедия. Как-то они возвращались в свою избу на снегоходе, и Толик сбился с пути. Женщина погибла, а он потерял кисти обеих рук и остался инвалидом. Но это уже другая история.

Шкалик

щенок

Я уже прошел третий, самый мощный и стремительный пережат реки Талая и собрался войти в озеро Мелкое, когда увидел на левом берегу знакомую мне компанию. В тихой заводи, уткнувшись в берег, стояло несколько лодок. Мне прокричали:

– Володя. Подгребай к нам!

Причалил. Компания весело и шумно отдыхала на природе уже двое суток. Под ногами бегал маленький лохматый щенок. Я взял его на руки. Он, радостно повизгивая, махая хвостом, старался лизнуть меня в щеку и с любопытством заглядывал мне в лицо своими темными хитрыми глазками.

– Чей? – спросил я.

– Да на Вальке к нам прибился.

Начал уговаривать отдать его на рыбацкую точку. Мне объяснили, что раз щенок сам прибился, отдавать его просто так нельзя. Нужно либо дарить, либо продавать.

– Шкалик наливай и забирай.

– Не вопрос.

Я поставил на стол бутылку водки.

Так евразиец обрел свой дом на рыбацкой точке, расположенной на берегу живописнейшего озера Лама, окруженного с юга ламскими горами, а с севера – плато Путорана. А за что был куплен, такую кличку и получил – Шкалик.

В собачий коллектив из пяти уже взрослых псов молодой щенок влился без проблем. А через короткий срок собаки начали проявлять к нему уважение. По натуре любопытный, терпеливый, с добрым нравом и хитрым, подкупающим взглядом, он располагал к себе окружающих, за что постоянно получал от людей подарки в виде пищи, сладостей. Собаки оценили эти его качества, поэтому держались всегда рядом с ним, в ожидании какого-либо лакомства, брошенного Шкалику. Полученным презентом он делился, не проявляя агрессии.

Находясь в постоянном движении, любопытство и инстинкты охоты начал проявлять своеобразно. Заметил, что угощение, которое он получает, люди всегда достают из рюкзаков, мешков, баулов. Это подтолкнуло его к первой проделке.

Когда причалила лодка, щенок спрятался за засолкой. Не проявляя себя, подождал, когда люди в окружении встречавших их собак пройдут по тропинке к избе. Тут же запрыгнул внутрь лодки. Нюх будущего охотника без труда отыскал мешок с провиантом. Через мгновение, держа в зубах увесистый кусок колбасы, он лежал в кустах и наслаждался деликатесом.

После первой удачной попытки при звуке приближающейся лодки или катера бежал к засолке и укладывался в вырытую им в песке яму, положив голову на вытянутые лапы, лежал без движения в ожидании.

Как-то в очередной раз, обнаружив съестное, он безуспешно пытался просунуть голову в рюкзак, чтобы достать деликатес, но не мог этого сделать. Большой туристический мешок был плотно завязан и весил больше, чем щенок. Чтобы не терять время, он начал рывками вытягивать мешок из лодки и перевалившись через борт, тот оказался в воде. Пес посмотрел

в сторону избы, не идут ли люди, прыгнул в воду, ухватил зубами плавающий на поверхности рюкзак и, поплыл по протоке на противоположный берег.

Прошка

Прошел год. Шкалик повзрослел. В размерах перегнал остальных довольно крупных собак. Под лохматой шкурой, просматривался мускулистый корпус и мощная грудная клетка. Пес стал лидером, беспрекословным вожаком, охотником и охранником. Неизменными оставались умные с хитринкой глаза.

И вот нам привезли трехмесячного котенка. Мы крикнули собак и выпустили дымчатого цвета крошечное создание в середину. Шкалик, знакомясь, долго обнюхивал его. Взъерошенный комок сначала терпел, а затем ударил пса по носу. Тот в ответ прижал его лапой к земле. Округлив глазки, котенок немного подергался, а когда успокоился, пес стал вылизывать его своим шершавым языком. Скоро маленькое существо превратилось в мокрую варежку. Так между ними произошло знакомство, завязалась дружба. Котенку дали кличку Прошка.

Шкалик ревностно охранял его, постоянно сопровождал, не давая в обиду. Через короткое время они стали неразлучной парой.

В августе произошел такой случай. Прошка гулял по песчаной косе, когда причалил катер с отдыхающими. Шкалик, заметив приближение катера, занял свою исходную позицию, спрятавшись за засолкой. У причала висело предупреждение, что выходить на берег без разрешения запрещено. Но одна дама спустилась по трапу, не смотря на предупреждающий плакат. На руках она держала черного окраса, комнатную собачку, а затем выпустила ее из рук на песок. Увидев котенка, та со злобным лаем бросилась к нему. Прошка, не проявляя страха, продолжал семенить лапками. Маленькая собачка, рыча, набросилась на него, сбила и начала кусать. Котенок жалобно тихо замыкал, вжавшись в песок. Этот «плач» не было слышно из-за работающего двигателя катера, но Шкалик услышал.

С обезумевшими глазами он выскочил из укрытия, отыскивая глазами Прошку. Увидев, со свирепым рыком ринулся на его обидчика, который, убегая, с визгом пролетел по песку и прыгнул на руки опешившей даме. Шкалик никогда не бросался на людей, но хозяйку этой собачки готов был разорвать. Он подбежал к ней вплотную, показывая острые клыки, зарычал так, что у онемевшей от ужаса женщины начали подкашиваться ноги. Наблюдавшие все происходящее с катера люди начали кричать на собаку, звать на помощь. Но Шкалик, не обращая внимания на крики, рыча, теснил женщину. Его глаза не выпускали из виду это маленькое, черное зло на руках у нее. Он присел, откинув задними лапами грудку песка, прыгнул вверх, пытаясь в прыжке выхватить прижатую к груди собачку. Злость переполняла его, поэтому прыжок оказался такой сильный, что челюсти лязгнули на уровне лица женщины. Она отпрянула назад и завалилась на трап. Несколько пар рук подхватили ее и затащили на катер. Шкалик дважды гавкнул и побежал к своему любимцу.

Прошка лежал в песке и жалобно мяукал. Пес обошел его вокруг, лег рядом и начал облизывать. Потом взял котенка аккуратно в зубы и понес к избе.

После этого случая Шкалик больше не оставлял своего друга без присмотра. При первых же звуках приближающегося катера или лодки выбегал на косу и отыскивал глазами Прошку. И не отходил от него до тех пор, пока катер не отчаливал от берега. А если на причалившем судне обнаруживалась собака, пес становился агрессивным, уши прижимались к голове, шерсть на загривке становилась дыбом. Он бегал вдоль косы, грозно рычал и лаял, предупреждая. Желание спуститься на берег у многих пропадало сразу.

Дружба между собакой и котом крепла с каждым днем. Каждое утро, как только открывалась дверь можно было наблюдать импровизированные сцены. Прошка выскакивал во двор и начинал отыскивать среди собак своего друга. Увидев, подбегал и начинал прохаживаться

мимо. Шкалик закрывал глаза и делал вид, что спит. Кот прохаживался мимо, показывая себя, но поняв, что на него никакого внимания не обращают, подбегал ближе и бил лапой Шкалика по носу. Тот открывал глаза, потягивался, выставляя лапы вперед, и случайно задевал кота. Возмущенный тем, что его задели, Прошка выгибал спину и набрасывался на обидчика. Пес соскакивал, и начинались взаимные погони. То кот убегал от собаки, то собака убегала от кота.

Зимой, уезжая на работу, часто забывали запустить Прошку в избу. А вернувшись через несколько часов, всегда наблюдали одну и ту же картину. Шкалик неподвижно лежал на снегу, весь покрытый инеем, и на наше появление только вилял хвостом. Потом между лап появлялась заспанная мордочка кота. Он, мяукнув, выползал из теплого «спальника», начинал облизывать себя, затем нос Шкалика. Пес невозмутимо лежал в ожидании, пока кот осторожно спустится на снег и, подняв хвост, не скроется в дверном проеме избы. Только после этого поднимался сам, реверсивным движением туловища сбрасывая с себя снег и иней.

Спаситель

В шестьдесят пятую годовщину Революции с утра по телевизору играла маршевая музыка, транслировали репортажи о демонстрациях, которые шагали по стране с Дальнего Востока на запад. До военного парада на Красной площади оставалось четыре часа.

Я вышел из избы. Светило яркое солнце, напоминая о себе перед долгим расставанием на период полярной ночи. Снег накрыл своим покрывалом лес, горы. Светло-синего цвета прозрачный лед, покрывший озеро, стелился хрустальной накидкой от берега до берега. Сжимаясь от мороза, лед трескался ружейными залпами, грохот разлетался по озеру, ударялся о склоны гор и возвращался эхом. Большой ртутный термометр, прибитый к избе, показывал минус двадцать два градуса.

Морозная погода держалась уже более недели. Ночью температура опускалась до минус тридцати градусов. На точке я был один. Мои напарники, Федя с Вадимом, находились в городе, занимаясь заготовкой необходимого товара и продуктов на зимовку. По радиосвязи сообщили, что прилетят вертолетом в ближайшие дни.

Чтобы чем-то занять время, я решил выйти на озеро и поставить прогоны для сетей. Совершенно забыв о заповеди нганасан: «Пока не услышишь храпанье оленя на озере, сиди яранга, однако. Лед еще коварный. Пошел по озеру олень – иди и ты смело».

Оделся, покормил собак, нарубив мерзлого налима. Положил на сани прогоны, пешню, норильную вилку, черпак; все, что необходимо для установки. Зацепил норило и, шлепая широким лыжами «Тайга», отправился на озеро.

Расстояние между берегами было около трех километров, а сети устанавливали практически посередине. Так что мне необходимо было пройти почти полтора километра.

Все собаки, сопровождая меня, бежали рядом. Так мы прошли почти полкилометра. Но затем Шкалик повел себя как-то странно. Забегая вперед, садился на лед, а когда я подходил, не двигался с места. Мне приходилось обходить его. Он опять забегал вперед и снова садился. Наконец мне это надоело.

– Ты что творишь? Я же не на слаломной трассе, чтобы обходить тебя?

Пес сел на лед, опустил голову и дальше не пошел. Собаки, пробежав еще несколько метров за мной, оглядываясь на жоака, тоже сели.

– Шкалик. Ты что, трусишь?! – крикнул я.

Пес в ответ лишь вяло завилял хвостом.

Пройдя около одного километра, я решил проверить толщину льда. Взял в руки пешню и вонзил ее в лед. Раздался сильный грохот, как выстрел из ружья. Трещина, разрывая лед, понеслась вдаль по ледяному панцирю озера. Через нее тут же проступила вода и начала замерзать, затягивая ледяной рубец, рисуя гигантскую змею, уползающую вдаль.

Прошел еще метров шестьсот. Сориентировавшись по берегам, остановился. Лед был прозрачный, что должно было значительно облегчить установку прогонов. Норило подо льдом будет хорошо просматриваться, и установка займет не более трех часов. Я посмотрел в сто-

рону избы. На белом фоне заснеженного берега выделялись темные контуры строений. Высоко вверх из трубы поднимался столб теплого воздуха. Горы красовались такой голубизной, будто были не из камня, а из хрустала.

Отвязал от саней норило, взял в руки пешню, чтобы вырубить лунку и сделать замер глубины. Снял лыжи, сверху бросил прогоны и только сделал несколько шагов, как раздался грохот. Лед разлетелся подо мной на крупные осколки. Вода хлынула фонтаном вверх, заливая все кругом. Я не успел понять, что произошло, как оказался в воде.

Лыжи плавали на краю полыни. Дотянулся до них рукой и начал мостить опору. Сделал попытку выбраться на лед, но он вновь стал крошиться передо мной, расширяя полыню. Не выпуская из рук лыжи начал продвигаться вперед по кромке льда. При любой моей попытке подтянуться и выбраться на поверхность раздавался треск, лед крошился. Метров через двадцать, наконец, удалось выкарабкаться. Подтянул под себя лыжи и попытался отползти дальше от воды, но не мог двинуться с места, так как на морозе ватная фуфайка моментально примерзла ко льду.

Попробовал оторвать ее рывком. Лед снова разлетелся, и я опять оказался в воде. Огромный кусок отломившегося льда, как щит, примерз к фуфайке на уровне груди, мешал взмахивать руками и постоянно заваливал меня на спину. Рукояткой ножа, который всегда висел на поясе, начал разбивать его.

Кроличья шапка постоянно напознала на глаза и напоминала ледяной горшок. Ее пришлось выбросить на лед. Фуфайка промокла, сковывала движения и тащила вниз. Попытался растянуть ее и стащить с себя. Легко растянул пуговицы на груди, но стянуть рукава не мог. Пришлось несколько раз с головой окунуться в воду, ножом разрезать фуфайку на запястьях и стаскивать ватник под водой. Наконец, с трудом освободился от него и выбросил перед собой на лед.

Двигаться в воде стало легче. Хорошо поддерживали на воде бакари из оленьих шкур, они-то меня и спасли. Если бы на мне были одеты валенки, то либо они утащили меня под воду, либо пришлось бы их сбросить, как фуфайку. А что бы я делал потом, оставшись босиком?

Теперь я мог опираться на лыжи. Минут пять ожидал, когда ватник покроется льдом, образовав небольшую площадку. Тело холода не чувствовало, но голова на морозном воздухе начала замерзать, обрастая сосульками. Приходилось периодически опускать ее в воду, так было теплее. Сделал очередную попытку выбраться. Мне это удалась. Опираясь на лыжи, отталкиваясь ножом ото льда, я пополз вперед, выбрасывая перед собой прогоны.

Отполз метров на сто, попробовал встать на лыжи, но лед предательски затрещал. Я замер. Оглянулся назад. Вода залила площадку размером с футбольное поле. В морозном воздухе вверх поднимался туман, переливаясь на солнце прозрачными хрусталиками.

Вдруг я услышал лай. В пятидесяти метрах от меня увидел Шкалика. Пес лаял, скулил, вилял хвостом, припадал на лапы, глядя в мою сторону. Рядом с ним, сидели остальные собаки, наблюдая за происходящим.

– Шкалик. Ко мне! – крикнул я в надежде попробовать обвязать на нем прогон.

Пес без колебаний уверенно начал приближаться. Не добежав до меня несколько метров, присел и пополз. Я накинул на него прогон, обвязал вокруг туловища и груди. Шкалик терпе-

ливо ждал, когда я закреплю веревку на себе, обвязав по поясу. Он смотрел на меня, в его глазах читался укор: «Я же тебя предупреждал!»

– Уже понял! – сказал я вслух.

Так же лежа, развернул лыжи по ходу движения, заполз на них. Чтобы дать прогону слабину, отмотал несколько метров и тихо прошептал:

– Шкалик! Вперед!

Пес, будто понимая, что от него требуют, пополз и через несколько метров встал на лапы. Когда прогон натянулся, внимательно посмотрел на меня. Я еще отмотал несколько метров, дав дополнительную слабину прогону. Уже без команды он отбежал и опять посмотрел на меня.

– Шкалик! Домой! – крикнул я и стал ножом отталкиваться ото льда, помогая собаке.

Пес рванул с места, от сильного рывка завалился на бок, скользя лапами по льду, но моментально вскочил, и, набирая скорость, мчал меня без остановки. Собаки с дружным лаем устремились за нами. Лыжи скользили по льду, как маятник, смещаясь то вправо, то влево. Через несколько минут пес выскочил на берег, а я влетел головой в ледяные торосы.

В избу я поднимался, уже как робот, скрипя и шурша обледенелой одеждой, руками оттираю остекленевшие уши.

По телевизору начинался военный парад. Я переоделся. Позвал Шкалика. Положил перед ним рубленую оленину. Стоя у печки смотрел, как он зубами дробит оленьи кости, зажав их лапами. Я поймал себя на мысли, что адрессировать можно любую собаку, но не каждая может думать, принимать решение, слушать и понимать человеческую речь.

Пурга

В конце ноября сломался снегоход, а проверять капканы нужно было регулярно. Тогда я впервые взял Шкалика с собой на охоту, скорее на случай внезапной пурги, чтобы он мог без проблем вывести к жилищу. У нас с ним уже был опыт ночевки в снегу.

Однажды, когда я еще прокладывал путик и устанавливал капканы в районе реки Микчангды, занимаясь установкой очередной городушки, увидел, что на снегоходной тропе сидит Шкалик, смотрит на меня и помахивает хвостом.

– Кто тебе разрешил за мной бежать? – начал было я ругаться.

Пес лег, виновато посмотрел на меня и опустил голову на лапы.

– Ладно. Уговорил.

Я не стал его прогонять и оказалось, что собака пробежала за мной более десяти километров не случайно. Уже стало темнеть. В луче света фары все чаще стали появляться снежные хлопья. Ветер начал гнать поземку, поменял направление и, усиливаясь, стал дуть с юга.

– Пора срочно возвращаться. Сейчас задует, – сказал я, глядя на Шкалика. – Все, это последняя городушка.

Бросил лопату с топором в пэну (металлическую волокушу), уселся на «Буран» и поехал. Пес побежал впереди снегохода. Ветер усиливался с каждой минутой, подхватывал снег, падающий сверху, срывал пласты с лежащих сугробов, поднимая вверх, разрывал их на части, перемешивая и закручивая, гнал перед собой сплошной стеной. Верхушки деревьев от сильных порывов, как по команде, сгибали стволы. Пронсясь с большой скоростью между голых веток, ветер рождал гул и свист.

Выехал на озеро. Наст стал тверже и ровнее, но я не мог увеличить скорость, так как фара снегохода своим лучом уже не могла пробить плотный занавес снега, не помогал и дополнительно включенный фароискатель. Я все чаще стал терять из вида собаку. Приходилось, вглядываясь вперед, высовываться из-за ветрового стекла. Снег больно ударял в лицо, слепил, забивался под капюшон, таял на щеках, стекая маленькими струйками по подбородку и шее, образовывал ледяную корку на груди.

Шкалик вынырнул из темноты с правой стороны от меня. «Начал срабатывать закон сильного ветра», – подумал я. Отворачивая и пряча лицо, машинально поворачивая руль, я уходил с маршрута влево. Сделав поправку на ветер, продолжил движение, но так как сразу же терял из вида собаку, вновь начинал уходить влево. Так повторялось несколько раз, и, когда Шкалик в очередной раз выскочил из пелены снега, совершенно с другой стороны, я остановился.

– Что будем делать?

Пес посмотрел на меня через щели залепившего его морду снега и лег.

– Может ты и прав. Дальше дергаться опасно. Не дай бог еще влететь в наледь. Лучше переждать.

Я развернул «Буран», поставил его поперек потока ветра. Лопатой вырыл яму до самого льда и постелил оленью шкуру. Выбросил из пэны капканы, городушки, которые не успел установить, и накрыл ею убежище. Забрался внутрь и позвал Шкалика. Из мешка достал ему несколько кусков мерзлой рыбы, предназначенной на приваду песцам. Пока пес разбирался с рыбой, я налил себе еще не успевшего остыть, чая из термоса. Через час мы дружно посапывали в вырытой яме, под сплошной гул и завывание ветра.

В снежном плену нам пришлось просидеть почти сутки. Я уже начал замерзать. Чтобы как-то согреться все ближе прижимался к собаке и проваливался в сон. «Как бы навсегда не уснуть», – проносилось у меня в голове, а глаза снова накрывала тяжелая пелена.

Отрывистый, громкий лай растолкал меня. Шкалик лапами и зубами пытался стянуть с меня брезентовую накидку и гавкал прямо в лицо. От жуткого холода я долго не мог пошевелиться. Наконец, выбрался наружу из снежного мешка. Вокруг стояла мертвая тишина. Небосвод полыхал таким ярким северным сиянием, что иногда даже луна терялась из вида. Морозный воздух сразу стал прихватывать щеки. Влажная одежда вмиг покрылась ледяной коркой, издавая хрустящие звуки. Я огляделся. Справа проступали очертания берега. «Остров Чаечный», – догадался я. До нашей избы оставалось не более четырех километров.

– Это только сутки прошли, Шкалик, а я уже чуть дуба не дал. А медведям хоть бы хны, спят себе всю зиму, – губы мои и тело тряслись от холода.

Вытряхнув из мешка на снег последнюю приваду, я, пританцовывая, начал зацеплять пэну и готовить «Буран». Собака с аппетитом расправлялась с рыбой.

– Ну что, зимовка закончилась. Вперед!

И нажал на гашетку. Шкалик присел, радостно виляя хвостом, потом вскочил и с веселым лаем рванул по озеру в направлении избы.

Через полчаса снегоход взобрался по пологой косе на утоптанную площадку. Собаки встретили нас дружным лаем. На крыльцо вышли Федя и Вадим.

– Ну, слава Богу. А то мы уже все на нервах.

Первый песец

Для ловли песцов у меня было закольцовано два путика: большой проходил по берегу озера и маленький; по островам и речке Лама. Соболиный путик проходил по лесному массиву вдоль речки Батык.

Я надел лыжи «Тайга», закинул за плечи рюкзак с термосом и привадой, взял в руки тозовку и крикнул Шкалика. Мы направились с ним по укатанному снегоходами следу.

Песец попал в капкан задней лапой. Вырыл себе яму в снегу. При моем появлении открыл пасть и начал угрожающе тявкать, делая рывки в мою сторону. Бежавший за мной Шкалик впервые увидел песца. С любопытством, виляя хвостом, начал рассматривать белое пушистое существо, похожее на собачку, и пытался обнюхать ее. Песец яростно огрызался, предпринимая попытки, укусить. Пес вопросительно посмотрел на меня.

– Взять его!

Эти слова я сказал, не подумав, так как уже неоднократно убеждался, что собака понимает речь. В один момент пес оцетинился, с рычанием схватил песца за шею, встряхнул несколько раз, разжал челюсти. Песец без движения упал на снег.

– Молодец, – похвалил я.

Благодарность он принял как разрешение на расправу. Следующего песца я увидел в метрах ста. Он попал в капкан тоже задней лапой, описывал круги вокруг городушки, натягивая трос, закрепленный на капкане. У меня были опасения, что Шкалик испортит шкурку песца и поэтому постарался отвлечь его разговорами. Пес бежал рядом, внимательно смотрел на меня, не понимая, отчего вдруг я стал такой многословный. Это ему показалось подозри-

тельным. Он остановился, стал осматривать местность и сразу обнаружил песца. Через мгновение он уже мчался к нему и совсем не реагировал на мои крики:

– Фу! Нельзя!

Пес подбежал, схватил песца за шею и проделал с ним тоже, что и с предыдущим. После осмотра тушек я убедился в том, что шкурки не были испорчены.

Прошел еще год. Шкалик вырос и превратился в матерого, мощного, умного, постоянно находящегося в движении охотничьего пса. В конце августа появилось потомство. Сучка Найда родила от него пятерых щенят. По какой-то причине вскоре у нее исчезло молоко, она прекратила кормить щенков и просто убегала, не проявляя материнского инстинкта. Тогда нам пришлось перейти на их искусственное вскармливание. От резиновых перчаток обрезали пальцы, изготовили соски. Разводили порошковое молоко, готовили мясные, рыбные бульоны и кормили их из бутылок, пока они не перешли на обычную пищу.

Довольно крупные, лохматые красивые комочки были любимцами на точке. За мать они принимали Шкалика. При его появлении с радостным повизгиванием бросались к нему, бродили за ним гурьбой, спали, тесно прижавшись к его брюху. Он покорно переносил эту нагрузку еще и потому, что Прошка постоянно находился вместе со щенками, бегал и играл с ними. А Шкалик добросовестно выполнял роль воспитателя: зорко следил, чтобы другие собаки не обижали малышей, строгим рыком осаживал непослушных. А стоило раздаться щенячьему визгу, как он появлялся на этом месте моментально, словно вырастал из-под земли и жестко наказывал обидчика.

Умилительную картинку можно было наблюдать, когда по заснеженной тропке брел Шкалик, а за ним семеня лапками, едва поспевая, пошатываясь в стороны, заваливаясь набок, бежали пушистые создания. Процессию, как всегда, замыкал Прошка, играясь с хвостами отстающих, стараясь зацепить их лапой. И стоило одному из щенков упасть, как он накидывался сверху, и сразу начиналась взаимная возня. С рычанием и тьяканьем подключались остальные, создавая кучу-малу. Потом вострепнувшись, лохматые комки распадались и устремлялись догонять своего воспитателя. Мы шутили по этому поводу.

– Шкалик! Ты не папа, ты мама-Карла.

Ворон

К нам повадился залетать очень крупный ворон. Он делал облет вокруг косы, усаживался на крышу избы, карканьем извещая о своем прилете. Потом часами сидел, внимательно наблюдая за всем происходящим внизу. В ясную погоду, присмотревшись к оперению этой птицы, можно было увидеть наличие уникальных оттенков и отливов, создающих неповторимую игру цвета и блеска.

Стоило кому-то выйти из избы, как черная птица, приветствуя, издавала трубные звуки, вроде «крух-крух». При этом перья на его зобе дыбились, приобретая форму бороды, и тогда его голова была похожа на голову токующего глухаря.

Как только Вадим начинал кормить собак, топором разрубая мерзлые тушки рыб, ворон оживал. Он, опустив голову, открывал клюв и, растопырив крылья, начинал пристально следить за происходящим процессом. Покормив взрослых собак, Вадик отгонял их и начинал готовить пищу для щенков. Черный хитрец тут же опускался вниз, спрятав клюв под крыло, начинал разгуливать между щенками, стараясь, слиться с ними воедино. Потом из-под крыла клювом дергал за хвост какого-либо из лохматых комков, а когда щенок оборачивался, хватал кусок еды и улетал к засолке.

Вадим уже принимал птицу как члена нашей бригады, и когда кормил щенков, откидывал в сторону куски пищи и ей, но та их как будто не замечала, а каждый раз старалась именно своровать, выхватить из-под самого носа щенков.

Этой сообразительной птице нравилось устраивать игры с собаками. Если от избы по озеру вдруг начинался разноситься визг, безудержный гвалт собачьего лая, мы знали – ворон устроил катание на горке.

После нескольких дней безветренной погоды на крыше скапливалось много снега. Ворон подпрыгивал вверх у конька, падал в пушистый наст и катился по крутому откосу, потом срывался вниз и у самой земли с криком расправлял крылья. Собаки, щенки, сбившись в кучу,

начинали охоту. Открыв пасти ожидали спуска ворона, стараясь схватить его зубами, поймать этого черного «экстремала», но он умудрялся в последнюю секунду взмыть вверх. Это их будоражило, заводило, и скоро с лаем, визгом и рычанием они в азарте металась по двору. Ворон на время приостанавливал игру и скрипучим «кррав-кррав» начинал передразнивать собак, пародируя их гавканье. Когда двор уже напоминал разворошенный «собачий» муравейник, он менял тактику и начинал спуски с другой стороны избы, которая окнами выходила на залив. Там снегу было под самую крышу, и ринувшиеся туда собаки проваливались по макушку, а щенки вообще терялись в снежной насыпи. Это ворону доставляло особенное удовольствие. Позабавившись, он прекращал игру и с любопытством наблюдал, как собаки по уши в снегу возвращались на двор. Потом, чтобы разрядить обстановку, летел к прогонам с сетями и там расхаживал по снежному насту внимательно наблюдая, как ребята проверяют сети. Иногда подходил очень близко, стараясь заглянуть в проверочную лунку, и, конечно, всегда получал презент в виде рыбы.

– Откупаться надо. Рабочий контроль прилетел, – шутил Вадим.

Ворон – это уникальная, неповторимая, загадочная и очень умная птица-одиночка, в тундре встречается редко. Эти птицы не собираются стаями, как их сородичи вороны, которые, как правило, живут и промышляют вблизи населенных пунктов, облюбовав себе районы мусорных отвалов, оккупированных неисчислимым количеством чаек.

Мы уже привыкли к разным проделкам этой хитрой птицы. Каждое утро, просыпаясь, мы включали телевизор и, собираясь на работу, слушали и смотрели последние новости, произошедшие в стране и мире. Как ворон догадался, что может помешать нам смотреть передачи, мы не знали, но прилетая утром, он уже садился не на крышу избы, а на телевизионную антенну и начинал ее раскачивать. На экране телевизора появлялись помехи, исчезал звук.

– Вадим! – кричали мы. – Иди кормить своего беспредельщика. Не даст же новости посмотреть.

И если на крыльцо раньше Вадима выходил кто-то из нас, ворон начинал нервничать, возмущенно кричать и устраивал просто пляски на антенне.

Однажды мы стали свидетелями очень забавной картины. Ворон, сидя на засолке, увидел, как на тропе появился Шкалик, следом за которым бежал Прошка. Он тут же покинул свое место и низко пролетел над прогуливающейся парочкой. Громко хлопая крыльями, опустился на тропинку и вразвалочку побрел следом за ними. Пройдя несколько метров, он клювом стал хватать кота за хвост. Прошка резко оборачивался, ворон замирал, поднимал голову вверх и уставившись в небо открывал клюв. Потом опять семенили по тропинке, а ворон продолжал дергать кота за хвост. Прошке это надоело. На спине устрашающе вздыбилась шерсть, и боком, выгнув спину, он начал приближаться к незваному и назойливому попутчику. Ворон запрокинув голову вверх, открыл клюв, закатил под лоб глаза и, как бы не замечая кота, вновь уставился в небо. Прошка в нерешительности остановился, тогда на выручку другу поспешил Шкалик и бросился прогонять навязчивую птицу. Ворон, обидевшись, каркнул, поднялся вверх и, пролетев несколько метров, штопором упал в снег рядом с тропинкой, распутив одно крыло, прихрамывая, стал перебирать лапами. Шкалик опять кинулся к ворону, спугнул, и тот, часто взмахивая крыльями, пролетев не более метра, вновь, как подстреленный, упал вниз и завалился на бок, веером растопырил крыло, показывая, что ранен. Собака опять бросилась к нему. Так продолжалось несколько раз. Пес уже начал злиться, рычать, а ворон от этой забавы, чуть ли не хохотал, издавая клокочущие звуки «хро-хо-хо».

Когда в очередной раз птица, притворяясь, завалилась на снег и распустила крыло, Шкалик тоже вдруг упал на бок, вытянул перед собой лапы и замер. Ворон лежал, не понимая, что происходит осторожно поднялся, вразвалочку приблизился к собаке сзади и стал клювом дергать за хвост. Пес лежал без движения. Тут птица, потеряв бдительность, перескочила через него, подошла к его морде, и наклоняя голову вправо, влево, стала заглядывать ему в глаза. Прошка молниеносным прыжком кинулся на ворона, вскочил и Шкалик, лапой придавив хвост наглой птицы.

Ворон в испуге, судорожно заработал крыльями, закричал гортанным «ток-ток». Потеряв два больших пера из хвоста, облетел косу, опустился на засолку и стал недовольно кричать: «Крах-крах», что можно было перевести с птичьего как:

– Деревня. Шуток не понимаете?

Шкалик в ответ отрывисто гавкнул, что-то вроде:

– Сам дурак, и шутки у тебя дурацкие!

Так ворон жил рядом с нашей точкой несколько лет. Исчезал только на весенний период, когда над водой и сушей начинали хозяйничать крачки. Отложив в своих гнездах яйца, они становились агрессивными. Вплоть до появления птенцов эти птицы очень ревностно охраняют свою территорию, а при приближении к ней незваных гостей всей колонией набрасываются и прогоняют, будь то человек, зверь или птица.

Найда

В конце ноября щенятам было уже по три месяца, когда произошло непоправимое. Мы сидели за столом, готовились к ужину. Тепло, исходящее от печки, приятной истомой ласкало тело, утяжеляло веки, клонило в сон после тяжелого рабочего дня, проведенного на морозе. На лай Шкалика, доносившийся снаружи, сначала не обращали внимания, но когда он начал прыгать и ударять лапами по стеклам окон, занесенных по раму снегом, мы встревожились.

– Вадим, выйди, посмотри, что с собакой.

Через минуту он вернулся.

– Понятия не имею. Бегаёт, лает у сарая.

Я нехотя оделся и вышел.

– Говори. Что случилось?

Увидев меня, он рванул к небольшому сарайчику, где жили собаки, сел у лаза и начал лаять. Заглянув внутрь, я обнаружил отсутствие щенков и Найды.

– Что за дела. Куда вы делись?

Я начал звать Найду. Обошел избу, пристройки. Фонариком, освещая дорогу, пошел по тропинке и услышал лай, доносившийся с косы. Шкалик сидел у засолки и смотрел в сторону озера. У меня пронеслась страшное предчувствие.

– Неужели эта сука опять увела щенков по путику?

Всего неделю назад, когда мы занимались проверкой сетей, Шкалик, лежа, с аппетитом разбирался с брошенным ему налимом. Вдруг вскочил, стал обнюхивать воздух, занервничал и с рычанием рванул к противоположному берегу. Мы настороженно посмотрели в темноту полярной ночи и достали из снегоходов ружья.

– Поеду, посмотрю, что это он всполошился.

Через двести метров на утоптанной колее путика я увидел, как Шкалик гонит впереди себя щенков. Прижав уши, опережая друг дружку, те с визгом мчались в направлении избы. Найда, поджав хвост, бежала впереди, не оборачиваясь, затем свернула с путика и побежала по целине озера.

Вспомнив про этот случай, я бегом кинулся в избу.

– Вадим! Когда кормил собак последний раз, щенки были на месте?

– Утром. Все были в сарае. А вечером еще не кормил.

– Это почти шесть часов назад. Быстрее собирайся. Скорее всего, Найда увела их по путику. Если попадут в капканы, щенкам конец. Градусник на дворе показывает всего минус тридцать, но без движения они замерзнут.

Мы начали спешно собираться и, зацепив сани, выехали на путик. Впереди по накатанному следу, торопя нас лаем бежал Шкалик. Должна была появиться первая городушка с капканом, когда лучи фар осветили Найду. Она сидела, поджав хвост и прятала голову под задние лапы. Шкалик с разбега налетел на нее и начал просто рвать, такой злобы с его стороны мы еще не наблюдали и с трудом смогли оттащить его от повизгивающей сучки.

Наши ужасные предположения подтвердились, когда подъехали к городушке. В ней лежал окоченевший щенок, уже припорошенный снегом. Обе его передних лапы были зажаты стальными душками капкана. Такая же участь постигла и остальных.

Вернулись домой. Узнав о том, что щенки погибли, Федя достал ружье, вышел во двор и позвал Найду.

Волки

Полярная ночь практически закончилась. Над горизонтом, пробиваясь через кристаллы холодного воздуха, стало всходить солнце, с каждым днем поднимаясь все выше и выше. В конце февраля уже можно было наблюдать частое здесь мистическое явление гало, когда вокруг солнца образуется яркий круг, а солнце отражается по бокам.

Приближалась весна и вдруг собаки начал надолго уходить в лес. Исчезали на несколько дней, а возвращались со следами крови на шерсти, отвисшими, набитыми животами. Отлеживались неделю и снова уходили.

У волков начался гон. И когда в очередной раз собаки на долго ушли, из четырех назад вернулся только Шкалик. Уши его были разорваны, на бедре была видна резаная рана от зубов. Шерсть была в крови.

– Ты что, скормил волкам своих братьев? – с укором сказал я, осматривая рану на собаке, но Шкалик дернулся, пробежал мимо меня и, помахивая хвостом, направился к Прошке, который сидел на крыльце.

Эти уходы начали меня тревожить. И вот однажды Шкалик привел волков прямо к избе.

Это был в первый день марта. Как всегда с утра я готовился выехать на путик. Снегоход стоял возле избы. Осталось загрузить под сидение термос с горячим чаем. Я взглянул на озеро. Сверху от избы открывалась панорама южного склона гор, района реки Микчангды.

Мое внимание привлекли темные точки на озере. Такой цепочкой могли следовать только олени или волки. Я вытащил из-под сиденья бинокль и начал всматриваться. В направлении избы по накатанному снегоходами следу большого путика растянулась стая из четырех волков. Они бежали след в след. Головы были слегка опущены и повернуты вбок, хвосты свисали вниз. С присущим волкам своеобразным подпрыгиванием они бежали прямо в нашу сторону. Очень темного окраса волк бежал впереди, временами оглядываясь на остальных. Я заскочил в избу и крикнул Вадиму:

– Волки на озере!

Он схватил ружье, и мы вместе выскочили во двор. Вадим уселся в сани. Я вытащил из жесткого чехла, закрепленного под капотом, «тозовку». Стали ожидать приближения волков. Они должны были находиться где-то рядом, так как из-за высокого и крутого берега с нашей стороны их уже не было видно. Я начал осторожно приближаться к краю берега, чтобы посмотреть. Сделал несколько шагов вперед, как прямо на меня выскочил Шкалик. Я чудом не выстрелил в него. Он пробежал мимо меня и носом уткнулся в бок Прошки. В ответ на приветствие кот лапой ударил собаку по носу. Шкалик завилял хвостом, уселся рядом и, хитро глядя на меня, высунул язык. Выдохнув, я приблизился к обрыву. Волки сидели цепочкой, внимательно глядя в нашу сторону. Я попятился назад, махнул головой Вадиму:

– Готов?

Завел «Буран». Мы спустились на озеро и помчались к волкам. Увидев нас, стая рассыпалась в разных направлениях. Разогнаться и сократить дистанцию для стрельбы не удавалось,

мешали заснеженные торосы. На первом же сани подпрыгнули, и Вадим вылетел из них, зарывшись головой в снег. Преследовать волков было бессмысленно. Вскоре погоню прекратили.

Вадим с Федей уже крепко спали, и я готов был забраться под теплое одеяло, когда услышал какой-то посторонний низкий звук, доносившийся снаружи. Накинул шубу и вышел на крыльцо. Шкалик сидел на краю берега, и задрав морду вверх выл. Взглянул на меня, перестал, но продолжал смотреть куда-то на озеро. Из темного берегового массива раздался ответный вой, на значительно более высоких нотах. Наступила тишина, и послышалось скуление, переходящее во взлаивание. Шкалик посмотрел на меня, махнул хвостом и скатился вниз по крутому склону. Я подошел к краю берега. В темно-серой пелене ночи маячил размытый силуэт собаки, убегающей по озеру вдоль берега.

Я вернулся в избу, включил рацию и начал вызывать всех, кто еще был на связи.

– Я Уко 23. Кто меня слышит, прием.

Отозвалось сразу несколько голосов.

– Мужики, у меня собака, кажется, гуляет с волками.

– Сучка?

– Нет. Кобель.

И вдруг услышал:

– Володь. Значит, твой кобель первый встретил волчицу, и она приняла его, – ответил мне промысловик с озера Пеляжье. – Но, если соберется волчий гон и начнется борьба, его порвут.

– Если опять волчица не заступится, – вклинился еще чей-то голос.

– А что делать? Мне собаку очень жалко. Это тот пес, который спас меня.

– Хочешь сохранить собаку, держи на привязи до конца гона.

– Да он два дня назад четырех волков к избе привел.

– Ну, значит, приняла его стая.

– Володь. Привет. Это я, Серега, – послышался голос моего знакомого с юга озера Таймыр. – Здесь у аборигенов в поселках часто встречаются смешанные породы собак с волками. А сколько их мы встречали в стаях по две-три особи темного и непонятного цвета. Значит, смешиваются.

Потом начали отпускать шутки по поводу моей собаки.

– Володя. Ты, наверное, своего пса в ежовых рукавицах держишь, что ему стало невмоготу. А то я гляжу, в последнее время какие-то песцы очень странные бегают, на твоего пса похожие.

– Хорошо, что мамонты вымерли, а то он и мамонтиху бы уломал.

Мы дружно рассмеялись. Но в завершение разговора врезались в память слова, сказанные Серегой к концу связи:

– Володя. Я слышал от ненцев, что пары волков создаются на всю жизнь. Если с одним что-то случится, то новая пара уже не создается. Что-то вроде лебединой верности. А если твой пес действительно загулял с волчицей, считай, что ты его потерял. Назад он не вернется.

Схватка с догом

В конце апреля, когда под солнцем в горах можно было уже загорать, а ночи уже становились белыми, на территории нашего хозяйства произошла трагедия.

Ранним утром, когда мы занимались по хозяйству, услышали звук двигателя, приближающегося к нам снегохода. Вадим посмотрел в бинокль и сказал:

– Вася едет. А за ним бежит его дог.

Вася, наш знакомый, жил и работал в Талнахе. Весной часто ездил к своим друзьям гидрологам, которые базировались на берегу озера примерно в тридцати километрах от нас. Иногда по дороге сворачивал к нам. Попив чайку, обогревшись, следовал дальше.

Любую беседу переводил на рассказы о своем немецком доге, которого два года назад за немалые деньги приобрел щенком на выставке «Зооветснаба» в Москве. Собака была с родословной и привезена из Германии.

Мы уже устали слушать о том, с каким трудом ему удалось купить для собаки комбинезоны из разных тканей и непромокаемые силиконовые собачьи ботинки, в какие деньги обходится ему питание для собаки, прививки, миски, чашки и прочая утварь. С гордостью он делал акцент на том, что хочет вырастить из дога настоящего бойца, поэтому постоянно берет его на прогулки, когда выезжает на снегоходе.

Мы с Вадимом с любопытством ожидали появления Василия и его обожаемого дога. Солнце приятно пригревало, но уже не ослепляло, как днем, и можно было обходиться без темных очков. Звук мотора был слышен уже рядом. Шкалик как вожак и охранник выдвинулся вперед. Снегоход, перевалив через последний подъем у избы, остановился рядом с нами. Из саней, накрытых брезентом, торчали две канистры с бензином.

Вася сполз с сидения, улыбаясь, направился в нашу сторону. По утопанной снегоходом колее, широко расставляя лапы, бежал глянцево-черного окраса дог в ярко-красном комбинезоне. Массивная голова на высоко поставленной шее повернулась в сторону собак. Не останавливаясь, дог налетел на Шкалика, сбил его с ног своей мощной грудью. Мы закричали, чтобы Вася придержал свою собаку. Вася схватил дога, а я ухватил за шею своего пса. Он тихо рычал, весь подрагивал мелким ознобом, и пристально смотрел на черное чудовище. Я успокаивал его, поглаживая по голове.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.